

**Сословия,
классы,
общественные группы**

УДК 94(571)«18/1917»316.342.4.

Конев Алексей Юрьевич,
кандидат исторических наук,
ведущий научный сотрудник кафедры гуманитарных наук
Тюменского государственного нефтегазового университета, aldimoks@mail.ru

**«Инородцы» – сословный проект империи:
сибирская версия**

Аннотация: Статья посвящена двум важным аспектам политики российской монархии в отношении народов Сибири. В первой части исследуется история формирования понятия «инородцы». Впервые для изучения данного вопроса автор обращается к раритетным словарям и справочникам-указателям, изданным в XVIII столетии. Выясняется первоначальное значение слова «инородные» в русском языке. До XVIII в. оно не несло смысловой нагрузки, связанной с отличиями по принадлежности к какому-либо этносу или государству. Определяется время появления термина «инородцы» в российской политико-правовой лексике и введения его в оборот в качестве обобщающего наименования коренных народов Сибири. К началу XIX в. произошло переосмысление этнического, языкового и конфессионального разнообразия империи. Это нашло отражение в появлении новой терминологии описания её подданных и их классификации. Во второй части статьи рассматривается вопрос о правовом статусе инородцев, закрепленном реформой М.М. Сперанского. Особое внимание уделено анализу положения разряда «оседлых», исключенных из ясачного оклада. Автор полагает, что факт принадлежности к категории «ясашных» продолжал играть существенную роль в осознании и обосновании специфических прав и обязанностей у большей части инородцев Западной Сибири и после реформы 1822 г. Прослеживается отношение представителей сибирских народов к предписанному им государством статусу. По мнению автора инородцев следует рассматривать не как единое сословие, скорее это было юридическое состояние, в рамках которого образовалось несколько сословных и этносословных групп. К концу XIX в. у сибирских инородцев сформировались основные элементы сословной самоидентификации, что ярко проявилось в реакции этой части населения на попытки отмены особенностей их административного и экономического положения.

Ключевые слова: инородцы, история понятий, коренные народы, Сибирь, М.М. Сперанский, подданство, законодательство, сословие, ясак.

Как известно, полиэтничность Российской империи не имела четко выраженного территориально-административного воплощения. В Сибири к началу XVIII в. полунезависимые туземные «княжества» были упразднены, сложилась система ясачных волостей. Учет своеобразия состава населения восточных окраин находил выражение главным образом в формировании и существовании особых социальных категорий, причудливо сочетавших в себе этнический, вероисповедный и сословный признаки.

Для описания и идентификации сибирских автохтонов в русском языке уже с начала XVII в., наряду с использованием этнонимов, активно употреблялись такие собирательно-обобщающие термины как «ясашные люди», «иноземцы», «иноверцы». В этой терминологии находили отражение особенности положения покоренных народов в структуре Русского государства, включая их связь с присоединяемыми территориями, «неправославность», специфику податного обложения. Обозначение «иноземцы» занимало в этом ряду особое место. Аккумулировав в себе политико-правовой и этно-конфессиональный аспекты, оно стало максимально возможным тогда уровнем терминологического обобщения всего разнообразия туземных сообществ за Уралом. Сложившиеся в XVII в. собирательные названия аборигенов продолжали использоваться и в дальнейшем. Менялось только их доминирование на соответствующих отрезках XVIII столетия. Но именно в этом веке начался процесс выработки новой, современной классификационной терминологии, отразивший эволюцию во взглядах на место и роль народов Сибири в структуре империи и важные изменения в их фактическом статусе.

По мнению австрийского историка-русиста А. Каппелера, термины, посредством которых маркировались различные группы нерусского населения, обстоятельно не изучены [1, с. 278]. Отмечу, что за последние два десятилетия появился ряд интересных исследований на данную тему, но актуальность более четкой и однозначной интерпретации ключевых понятий, которыми обозначалось нерусское население восточных окраин России, а так же изучение специфики социально-правового статуса соответствующей части сибирского социума сохраняется. Рассмотрению этих двух вопросов и будет посвящена данная публикация.

Этимология понятия «инородцы»

В новейших исследованиях, посвященных термину «инородцы» основное внимание уделено политико-правовым аспектам его применения, но не выяснена история появления и первоначальное значение данного слова. Без этого сложно составить адекватное представление о зарождении идеи оформления новой категории населения в юридическом и социальном смысле.

Следует обратить внимание на то, что частица *инь* обозначала в древнерусском языке «один» (инрог/инорог – единогог, иносельники – вместе живущие). Со временем она стала преимущественно обозначать «некоторый, какой-то, другой». С этим значением связан целый ряд слов, указывающий на особенность/инаковость происхождения человека или категории людей в средневековой Руси. И.И. Срезневский соотносит термины «иноплеменник», «иностранник» и «иноземец»/«чужеземец» с древнегреческими словами ἀλλογενής, ἄλλοδῆπος, а термин «инородный» – с ἑτεροθαλής [2, ст. 1104–1106]. «Инородные» трактуются им как *разнородные*. Так обозначали, например, рожденного от другой матери или отца [2, ст. 1105]. Г. Дьяченко, соотнося слово «инородный» с встречающимся в Ветхом Завете термином «иноплеменник» (Левит XX, 10) уточняет, что речь идет о том кто «не из племени Аарона, колена Левиина, а из других колен» [3, с. 223]. Указание на греческие прототипы даёт возможность уяснить нюансы содержания интересующих нас понятий. Так ἑτέρος означало преимущественно различие между двумя («один из двух»), а ἄλλος – различие между многими («другой среди многих»). Правда, исследователи отмечают, что в древнегреческом языке между ними очень трудно провести четкую смысловую границу [4, с. 84, 678; 5, р. 264]. И, тем не менее, обращает внимание на себя тот факт, что калькой русского слова «инородец» в значении «чужестранец/иноплеменник» в современном французском и английском языках выступают производные от ἀλλογενής – *allogene* и *alien*.

Итак, есть веские основания полагать, что термин «инородный» использовался в средневековой русской книжности для обозначения отсутствия либо нарушения кровного родства в противоположность сродству/единородству. Он не нёс смысловой нагрузки, связанной с отличиями по принадлежности к какому-либо этносу или государству. Эти функции выполняли термины «иноземный», «иноплеменный» и «иностранный». Поэтому понятия «инородные»/«инородцы» отсутствуют в важнейшем памятнике русского права – Соборном Уложении. Не встречаются они и в текущем делопроизводстве в центре и на местах, в чем убеждает знакомство с солидным корпусом опубликованных и неопубликованных архивных документов конца XVI–XVIII вв., относящихся к различным аспектам правительственной политики в отношении туземных народов Урала и Сибири. Единственным известным на сегодняшний день фактом использования в XVII в. термина «инородцы» в значении «иностранцы» является сообщение Моравских князей русским посланникам в Англии Г. Микулину и И. Зиновьеву 1601 г., приведенное в соответствующем статейном списке: «слышачи во многих розных государствах про его [царя Бориса Годунова] государево царское величество и к *инородцом* его царское великое жалованье» [6, с. 344]. Но у меня есть сомнение относительно точности передачи этого слова публикаторами названного документа, так как нигде оно более не встречается ни по тексту документа, ни в других

аналогичных памятниках данного периода, в том числе в дипломатической переписке.

В силу вышеприведенных доводов мнение исследователей, которые считают, что понятие «инородцы», наряду с терминами «иноверцы» и «иноземцы», вошло в употребление уже на раннем этапе освоения Сибири и азиатского Севера, и закрепилось за нехристианскими народами новозавоеванных территорий [7, с. 15; 8, с. 46, 52], следует признать неосновательным.

В.О. Бобровников предполагает, что обобщающее понятие «инородцы» было взято М.М. Сперанским и Г.С. Батеньковым из единичных указов петровского и екатерининского времени [9, с. 265]. В самом деле, в составе Полного собрания законов Российской империи (далее – ПСЗ) имеется несколько случаев использования термина «инородцы» в заголовках отдельных законодательных и распорядительных актов конца XVII–XVIII вв.¹. Но этот факт не должен вызывать недоумения, так как заголовки эти были сформулированы или отредактированы в 1820-х гг. кодификаторами во главе с самим Сперанским. Все указанные случаи применения интересующего нас понятия не стыкуются с текстом самих документов, где употребляется другая терминология для обозначения народов Сибири: «ясачные иноземцы», «ясачные народы», «ясачные иноверцы». По видимому обратив на это внимание, Дж. Слокум признает тот факт, что в правовых актах XVIII в., вошедших в ПСЗ, термин «инородцы» не использовался «для обозначения определенной правовой категории подданных империи» [10, с. 507].

Как было сказано выше происхождение русского слова «инородный» было связано с идеей рода в значении кровнородственной, поколенной связи, а не в этническом смысле. Лишь со временем оно стало переосмысливаться в таком ключе. Результаты этого процесса проявились в XVIII в., когда по наблюдению Ю. Слезкина, образованные русские стали интересоваться вопросами классификации и упорядочения этнических групп [11].

Пожалуй, первый пример такого переосмысления обнаруживается в трудах В.Н. Татищева. В своем знаменитом «Лексиконе» он поясняет: «Инородный, различает род, хотя может быть одного закона и подданства, например крещеной татарин с русским, хотя одноверцы и одноземцы, но по природе весьма разны, противно же тому могут разных вер и подданств люди едиnorodны именоваться...». При этом термин «иноземец» трактуется как понятие, которое «у нас иногда за иноверца, и инородного, и за иноязычника употребляют», тогда как по мнению Татищева «подлинно иноземец разумеется иностранный, который не есть подданный того государства где он находится» [12, с. 90]. Таким образом «Лексикон» фиксирует применение в первой половине XVIII в. обобщающего понятия «иноземец» для обозначения не только выходцев из других земель, но и нерусских жителей России, принадлежащих к неправославным исповеданиям, что находит яркое

¹ ПСЗ-I. Т. III. № 1526; Т. IV. № 1800; Т. XVI. № 12041.

подтверждение на сибирских материалах (см. подробнее: [13, с. 84–85]). При этом предлагается провести более чёткую смысловую границу между терминами «иноземец» и «инородный», закрепив за первым только обозначение иностранных поданных, а за вторым представителей разных народов и религий, являющихся поданными Российской империи. Важно отметить, что «Лексикон», составленный Татищевым в 1745 г., увидел свет только в 1793 г.

Во второй половине XVIII в., окончательно вытеснив понятие «иноземцы» из языка официальных документов, основным обобщающим наименованием народов Сибири станет термин «ясашные». Сохраняет свою актуальность и термин «иноверцы». Именно он будет представлен в неоднократно издававшемся в 1780–90-х гг. «Словаре Юридическом» Ф.И. Ланганса. Это был предметный указатель к правительственным распоряжениям и указам, и предназначался для практического использования. Следует иметь в виду, что Ланганс служил чиновником в Иркутске по судебному ведомству, занимая в конце XVIII в. должность председателя гражданской палаты. Безусловно, что он старался отобрать наиболее значимые для тогдашнего еще не систематизированного российского законодательства термины. Примечательно, что слово «инородцы» в «Словаре» Ланганса отсутствует [14, с. 61–63].

Впервые слово «иноронец» появляется в пятой части Словаря Академии Российской, опубликованной в 1794 г. Здесь же за ним окончательно закрепляется этническая коннотация. Интересно, что определяя семантику понятия «инородный» как «иноплеменный и чужеземный» составители словаря апеллируют не к «Лексикону» Татищева, а к Елизаветинской Библии 1751 г.: «и вси мужи дому его, и домочадцы [его] и куплении от инородных языков» (Бытия XVII, 27) [15, с. 37]. Для сравнения, в Острожской (1581 г.) и Московской Библиях (1663 г.) этот стих воспроизводится так: «и вси мужи дому его, и вси домочадцы и куплении, от всех народов».

В контексте вышесказанного интересно отметить, что в этот же период, заимствованное из европейских языков слово «нация» означало не только государство и государственную принадлежность, но имело значение этнической принадлежности – «народ русский, немецкий», и впоследствии, по мнению А.И. Миллера, использовалось для выделения «русской нации внутри империи» [16, с. 152–153, 161].

Таким образом, к началу XIX столетия в русском языке формируются дискурсивные практики, способствующие новому осознанию этноязыкового и конфессионального разнообразия империи, конструированию образа её подданных. Теперь их можно было разделить на «природных», связанных с господствующим славянским ядром исконной Руси-России, и «неприродных» – ставших частью российского социума в результате присоединения земель, не являвшихся её исторической территорией. Характерно, что в первоначальном проекте будущего «Устава об управлении инородцев», составленном на рубеже 1820–1821 гг., Сперанский так определяет

соответствующую категорию населения: «Все обитающие в Сибири инородные племена, то есть коренные сей страны жители не Российского происхождения, именуемые поныне ясажными»¹.

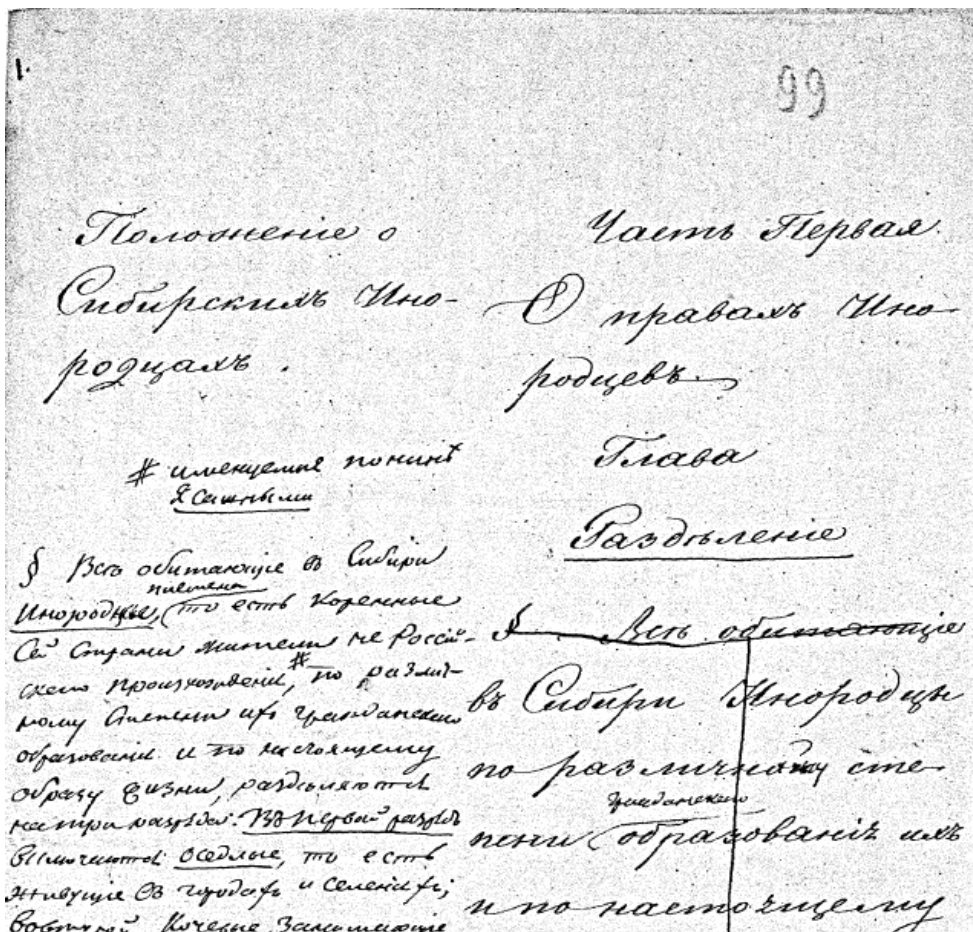

Рис. 1. Фрагмент чернового наброска «Устава об управлении инородцев» с первоначальным определением категории инородцев (1820–1821 гг.).
(Публикуется впервые)

Были ли инородцы сословием?

Переосмысление слова «инородные» привело к возникновению производного от него понятия, обозначающего не только качества отношений, а категорию лиц, социальную группу. Концептуализация нового обобщающего и классифицирующего термина была осуществлена в процессе

¹ РГИА. Ф.1264. Оп. 1. Д. 264. Л. 99.

подготовки Великой сибирской реформы применительно к местным «ясачным народам».

Насколько можно судить по документам, опубликованным В.И. Вагиным [17] и тем источникам, что обнаружены в архивах¹, Сперанский, в период своего сибирского генерал-губернаторства, в официальной переписке или при разработке каких-либо других проектов, не использовал слово «инородцы» и производной от него терминологии до момента составления законодательного акта о правовом положении народов Сибири. Точка зрения о том, что именно в «Уставе об управлении инородцев» 1822 г. впервые было дано правовое определение новой социальной категории, несмотря на попытки пересмотреть её (см. например:[18]), остаётся неизменной.

Следует отметить, что юридический статус «инородцев» не получил в соответствующих законодательных актах XIX в. однозначного определения. У правоведов этого времени, как показала Н.Н. Андреянова, так же не было единой точки зрения и относительно трактовки понятия «инородцы», и касательно их правового положения и классификации [19]. Согласно Уставу 1822 г. инородцы разделялись на три разряда. «Оседлые» сравнивались «с россиянами в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступят», а «кочевые» и «бродячие» рассматриваются как «особенное сословие в равном степени с крестьянским, но отличное от онаго в образе управления»². «Свод законов о состоянии людей в государстве» 1833 г. по различию прав состояния, установленных законом, выделил три группы: *природных обывателей* (городское и сельское население), *инородцев* (оседлых и неоседлых) и *иностранных*. Первая группа разделялась на четыре «главные рода людей», именованных так же сословиями: 1. Дворянство, 2. Духовенство 3. Городские обыватели 4. Сельские обыватели³. Инородцы были исключены из этого числа, что разделило подданных империи, по сути, на две большие части по признаку «природности».

Идея четырех сословий, как известно, не отражает всего разнообразия реально существовавших социальных страт дореволюционной России. Г.Л. Фриз заметил, что «даже на уровне юридической терминологии государство не учреждало системы четырех сословий, – скорее оно учредило четыре юридических состояния, включавших в себя целый мир из многих различных сословий» [20, с. 140]. Авторы обобщающего труда по истории сословного общества Российской империи Н.А. Иванова и В.П. Желтова полностью согласились с этой точкой зрения. При этом они, как и многие современные исследователи, трактуют «инородцев» как отдельное сословие [21, с. 12–16, 657–718].

Представляется, что инородцев корректнее рассматривать как особое юридическое состояние, в рамках которого на протяжении XIX в. сложилось

¹ РГИА. Ф. 1251. Оп. 1. Ч. 1. Д. 24; ГАТ. Ф. 329. Оп. 12. Д. 22. Л. 1–19.

² ПСЗ-1. Т. XXXVIII. № 29126. §§ 13, 24, 61.

³ СЗРИ. Т. IX. Законы о состояниях. СПб., 1833. Ст. 1–2.

несколько сословных и этносословных групп. На это обратил внимание ещё известный российский правовед Н.М. Коркунов: «некоторые из инородцев разделяются по сословным группам», а «юридическое положение отдельных разрядов крайне различно». По его мнению, объединяет их то, что «особенности их положения обуславливаются принадлежностью к определенному племени. Поэтому можно только родиться инородцем, но нельзя им сделаться» [22, с. 274, 355].

В результате реализации положений «Устава об управлении инородцев» в Западной Сибири произошла существенная перестройка социальных структур индигенного населения региона. В число инородцев были включены представители разнообразных категорий: «ясашные», бухарцы, оброчные чувальщики, с конца 1860-х годов – служилые татары (*йомышлы*). До реформы 1822 г. они отличались друг от друга формой податного обложения и способом отправления тех или иных повинностей в пользу государства, особенностями административно-территориальной организации, самосознанием, этническим составом. Изучение документальных материалов показывает, что локальные связи и идентичности осознавались индивидуумом и общиной в XIX в. всё же отчетливее, чем общая рамка «инородчества» [23, с. 54–56].

Двойственный характер имело положение «оседлых». Как уже было сказано, предусматривалось, что причисленные к этому разряду люди должны были вливаться в другие социальные категории. При чем, если они исповедуют христианскую веру, то «не отличаются от россиян никаким особым названием», в противном случае именуется «оседлыми иноверцами»¹. На практике социальная мобильность этой группы была невысокой, добровольные переходы в другие податные сословия случались не часто и были связаны, как правило, с глубокой ассимиляцией в русскоговорящей среде. Более интенсивно эти процессы происходили, пожалуй, в служилой казачьей корпорации [24]. «Торговые и оседлые» имели право составить «собственные ратуши», «словесные суды» и «особенные волости», выбирать старост из своей среды², чем они активно и воспользовались. Более того у всех «оседлых» Тобольской губернии в результате реализации реформы 1822 г. функции волостного самоуправления сосредоточились в не предусмотренных для этого разряда Уставом Сперанского инородных управах.

Отмечу, что в середине XIX в. у подавляющей части инородцев Западной Сибири вне зависимости от их разрядной принадлежности инородные управы стали основным институтом административного устройства и самоуправления. Так к рубежу 1840–50-х гг. относятся первые из сохранившихся бумаг на имя Обдорской, Ляпинской, Куноватской и

¹ ПСЗ-I. Т. XXXVIII. № 29126. § 12.

² Там же. §§ 81, 87–89.

Сосьвинской управ¹, к которым были причислены «бродячие» остяки (ханты), вогулы (манси) и самоеды (ненцы), а им полагалось иметь только родовые управления без заведения делопроизводства.

Рис. 2. Остяки и князь Тайшин в с. Обдорское у помещения инородной управы. Фото Н.А. Варпаховского (1895–1896 гг.) Тобольский историко-архитектурный музей заповедник (ТИАМЗ), Фотофонд ТМ-15539/90.

Разряд «оседлых» – яркий пример смешения критериев при выделении социальной категории. С одной стороны учитывался уровень общественного развития и образ жизни, с другой – принадлежность к «нерусскому», индигенному населению. Этнокультурные, хозяйственные, а в ряде случаев и конфессиональные различия, объективно способствовали естественному обособлению «оседлых» от формально очень близкой им сословной группы государственных крестьян. Хотя власти предпринимали в XIX в. попытки объединения некоторых татарских и остяцких волостей с русскими, надеясь таким мерами содействовать улучшению быта инородцев и развитию у них земледелия, где это возможно по природно-климатическим условиям, но опыты эти не принесли успеха. Они оставались в полной мере «инородцами», а не становились нерусскими крестьянами и в их собственном представлении,

¹ ГАТ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 403. Л. 8, 10, 11, 16.

и с точки зрения тех же крестьян, местной и центральной администрации. Не будет преувеличением сказать: для того чтобы превратить инородца в государственного крестьянина, надо было сделать его до известной степени русским.

Рис. 3. Группа татар Тобольского уезда. Начало XX в.
ТИАМЗ, Фотофонд ТМ-15559/1.

Основное отличие «кочевых» и «бродячих» от разряда «оседлых» было в том, что они оставались в ясачном окладе. Известно, что перевод бывших ясакоплательщиков в «оседлые», повлекший за собой замену ясака на формы податей, свойственные «сельским обывателям», вызывал негативную реакцию инородцев. Причины недовольства следует искать не только в том, что подушная подать была больше прежнего ясачного сбора, здесь власти проявили здравомыслие и, например, для татар переход «в полные обязанности по состоянию крестьянскому» осуществлялся постепенно¹. Сложение ясака могло поставить под вопрос неизбежность прав коренных народов в сфере землепользования, несмотря на то, что за ними, согласно § 20 «Устава», утверждались «владеемые по древним правам... земли». Эти права ещё надо было доказать. Фактическое упразднение «ясачного

¹ ПСЗ-И. Т. X. Отд. 1. № 8183.

статуса»остававшихся за«оседлыми» земель снимало ограничения для пересмотра норм наделения соответствующей части инородцев различными угодьями. Это позволяло распространить на них нормы принятые для государственных крестьян в Сибири, что означало бы реальное сокращение земельных площадей у автохтонного населения. На рубеже XIX–XX вв.так и будет сделано, например, в ряде уездов Тобольской губернии.Показательно, что волостные сходы крестьян Туринского уезда ещё в 1889 г. выступали за причисление к ним оседло живущих вогул на условиях уравнивания в землепользовании с инородцами за счет последних¹.

Рис. 4. Юрта вогула с. Нахрачинское. Фото В.Н. Пигнатти (1910 г.).
ТИАМЗ, ФотофондТМ-15519/40.

Внесение ясачной подати и даже факт принадлежности в прошлом к категории «ясачных людей» продолжали играть существенную роль в осознании и обосновании специфических прав и обязанностей у большей части инородцев Западной Сибири и после реформы Сперанского [23, с. 55]. Так представители татарского населения Тобольской губернии на протяжении XIX в. ссылались в своих прошениях на то, что они из «ясачных» или «староясачных» когда дело касалось имущественных и поземельных споров².

¹ РГИА. Ф. 1291. Оп. 84. Д. 15. Ч. 2. Л. 5.

² ГАТ. Ф. 464. Оп. 1. Д. 125. Л. 16–16об.; [25, с. 188.]

К концу XIX в. у сибирских инородцев сложились основные элементы сословной самоидентификации, обусловленные фактором категоризации этого населения государством, особым порядком управления и суда, землепользования, освобождением от воинской повинности и отношением к ясаку. Эти маркеры в той или иной степени отличали инородцев всех разрядов от близких им по статусу государственных крестьян. Осознание инородческим населением специфики своего социально-правового состояния ярко проявилось при проведении в конце XIX – начале XX вв. серии реформ, направленных на ликвидацию особенностей административно-правового и экономического положения этой части сибирского социума.

Характеризуя инородческую политику царского правительства в Сибири, не следует нивелировать явно присутствующий в ней этнический дискурс, сводя всё к экономическим, административным и социально-правовым аспектам, из которых, как считают многие современные исследователи, и складывалось то, что сегодня принято называть национальной политикой. История формирования социальных структур на сибирских окраинах империи, на мой взгляд, даёт основания говорить не просто о сословной, а об *этносословной политике* Российского государства. К этому побуждает содержание понятий, посредством которых классифицировались и юридически определялись представители местных народов, и тот факт, что один из водоразделов, проходивший между близкими по положению сословными группами пролегал по линии «племенных», как тогда говорили, различий: русские/нерусские, пришлые/туземные. Правительство не могло не учитывать эти различия, так как они имели соответствующие проекции в социальной и экономической сферах. При этом оно отнюдь не стремилось превратить инородческие разряды в социальные резервации по этническому признаку, что наиболее зримо прослеживается на примере сословно-правовой категории «оседлых». Напротив, предусматривались механизмы перехода из этих разрядов в другие социальные страты. Реальность же состояла в том, что предлагаемые возможности не привлекали основную массу индигенного населения. Оно стремилось сохранить привычный образ жизни, свой «инородческий» и «ясачный статус», обеспечивающий ряд льгот и особые права в сфере землепользования. В этой связи безусловный исследовательский интерес представляет вопрос о том, в какой мере практика реализации положений «Устава об инородцах» повлияла на этнические процессы у народов Сибири.

Список литературы

1. Каппелер А. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. М., 2010. С. 265–282.
2. Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Том первый. СПб., 1893.
3. Дьяченко Г. Полный церковно-славянский словарь. Том первый. М., 1998.

4. Древнегреческо-русский словарь / Сост. И.Х. Дворецкий. Т. I. М., 1958.
5. Theological dictionary of the New Testament. / Ed. by G. Kittel, G. W. Bromiley & G. Friedrich. Grand Rapids, Vol. 1. 1964.
6. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией. Т. II. (с 1581 по 1604 год) // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 38. СПб., 1883.
7. Khodarkovsky M. «Ignoble Savages and Unfaithful Subjects»: Constructing Non-Christian Identities in Early Modern Russia// *Russia's Orient: imperial borderlands and peoples, 1700-1917*/ Ed. by Daniel R. Brower and Edward Lazzarini. Bloomington, 1997. P. 9–26.
8. Соколовский С.В. Образы других в российской науке, политике и праве. М., 2001.
9. Бобровников В.О. Что вышло из проектов создания в России инородцев? (ответ Джону Слокуму из мусульманских окраин империи) // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. М., 2012. Т. II. С. 259–291.
10. Слокум Дж.У. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология.* / Сост.: Верт П., Кабытов П.С., Миллер А.И. М., 2005. С. 502–531.
11. Слезкин Ю. Естествоиспытатели и нации: русские ученые XVIII века и проблема этнического многообразия // *Российская империя в зарубежной историографии.* С. 120–154.
12. Татищев В. Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. Ч. 3. СПб., 1793.
13. Конев А.Ю. Колониальный дискурс имперских классификаций: историки о термине «иноземцы» в отношении народов Сибири // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* 2014. № 6-1 (44). С. 81–86.
14. [Ланганс Ф.И.] Словарь юридический, или Свод российских узаконений, по азбучному порядку. С прибавлением, против напечатанного в Университете, трех годов, и именно: 788, 789, 790. Тобольск, 1791.
15. Словарь Академии Российской. Часть V. От Р до Т. СПб., 1794.
16. Миллер А.И. «Народность» и «нация» в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий // *Российская история.* 2009. № 1. С. 151–165.
17. Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год. Т.1–2. СПб., 1872.
18. Федоров М.М. О первых проектах закона о правовом положении народностей Сибири // *Сборник научных трудов Якутского государственного университета.* Сер.: Гуманитарные науки. Якутск, 1994. С. 54–62.
19. Андреева Н.Н. Понятие инородцев и их классификация в дореволюционной юридической литературе и законодательстве Российской

империи XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Юридические науки. 2009. № 2. С. 107–114.

20. Фриз Г.Л. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. Самара, 2000. С. 121–162.

21. Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII – начало XX века). М., 2010.

22. Коркунов Н.М. Русское государственное право. Изд. шестое. Т. I. СПб., 1909.

23. Конев А.Ю. Социальный статус инородцев Северо-Западной Сибири в их собственном представлении (XIX – начало XX в.) // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 4. С. 52–56.

24. Крих А.А. Тюркский компонент в составе западносибирского казачества (первая половина XIX в.) // Азиатская Россия: люди и структуры империи: сб. нац. ст. к 50-летию со дня рождения проф. А.В. Ремнева. Омск, 2005. С. 510–523.

25. Бакиева Г.Т. Обычай и закон. Очерк правовой культуры сибирских татар в XVIII – начале XX века. Новосибирск, 2011.